

Иногда я вижу Тейен. Отчётливо, как живую.

Люди идут с пакетами из магазина, толкают перед собой по снегу детские коляски, бегут в школу, и рюкзак подпрыгивает у них на спине, а на большой перемене школьный сторож выходит за ворота покурить. Потом снег тает, возле домов рыжеют голые новогодние ёлки, затем зелёные поляны покрываются жёлтыми одуванчиками, и так оно и продолжается, человек идёт ровно, потом шатаясь, потом снова ровно, дети рождаются, старики умирают, на большой перемене сторож выходит за ворота и стоит там курит, пуская в небо колечки дыма.

И думает обо мне. Он всё понимает, как я теперь понимаю. Он стоит, смотрит вверх крыш, и вспоминает.

— Тут стоишь? — спросил школьный сторож.

Он встал у того же столба, что всегда, и вытащил из кармана сигареты. Я тоже стояла за воротами, где всегда, и ответила то же, что всегда отвечала.

— Да, — сказала я.

— Так нельзя, знаешь?

— Правила придуманы, чтобы их нарушать, — ответила я папиной присказкой.

Вяло падал реденький снежок. У нас за спиной кто-то закричал *Всё равно тебе водить!* Сторож наклонился к зажигалке и прикурил. Потом мы договорили оставшиеся реплики.

— Так нельзя, знаешь? — сказала я.

— Правила придуманы, чтобы их нарушать, — ответил сторож. — Ты опять скормила ей всю свою еду?

Я кивнула. Белка, единственная и самая красивая белка Тёйена, уже прибежала за своим завтраком: она знала, когда в школе большая перемена, и приходила точно в это

время. Сторож зажал сигарету зубами и вытащил из кармана свёрток с завтраком. Развернул фольгу, разломил бурека надвое и отдал половину мне. От бурека шёл пар, потому что жена сторожа отлично умела упаковывать завтраки.

— Circle of life, — сказал сторож, — ты поделилась с белкой, я делюсь с тобой.

— А что такое circle of life? — спросила я.

— Философия, — ответил сторож. — Здесь я работаю школьным сторожем. Но дома, в своей стране, я был большой мыслитель.

Он отвернулся от меня и выпустил дым.

— В этом нам, мигрантам, везёт, мы можем что угодно рассказывать о том, кем мы были дома.

— Так ты шутишь?

— Ничуть. То есть дома, у себя в стране, я действительно был одним из главных врунов. Я даже конкурс врунов выиграл. Национальный чемпионат по небылицам.

— О-ой, — сказала я.

— И вот ещё что. Ты это объявление видела? — спросил он и показал на листок на столбе. Его пальцы были окутаны табачным дымом.

Мы ищем продавца новогодних ёлок. Нам нужен ответственный обязательный человек. Работа на свежем воздухе.

Листок висел на фонарном столбе. И под текстом был номер телефона.

— Это не вариант? — спросил сторож.

— Мне только десять лет, вряд ли меня возьмут, — сказала я.

— Я не о тебе думал, — сказал сторож. Он подошёл к столбу, оторвал бумажку с телефоном и положил мне на ладонь.

— Покажи это своему отцу, — сказал он.

Вокруг бумажки таяли снежинки.

— Если пойдёт наниматься, пусть скажет, что он знает Алфреда. Это человек, который им ёлки возит.

— А разве это правда? — спросила я.

— Можно считать, что правда. Я знаю Алфреда, ты знаешь меня, твой отец знает тебя. Circle of life, понимаешь ли.

Я кивнула.

— Кстати, — сказал сторож, — возьми лучше объявление тоже.

Он вернулся к столбу, отцепил скотч, скатал объявление в трубочку и отдал мне.

Папа сидел на кухне за столом. Когда я вошла, он поднял голову и прикрыл глаза рукой.

— Какое яркое солнце пришло! Где мои солнечные очки?!

Он улыбнулся, и я тоже заулыбалась. Потом он посерьёзней и сказал:

— Садись, поговорим.

Он потёр лоб. Но у меня не было сил на его разговоры, сейчас заведёт свою шарманку *дети не должны так жить, асфальт и вся эта гадость*, а дальше начнётся *но вы-то не дуручки, ничего не скажешь, вы знаете, как хорошо можно жить. Помните то наше лето в лесу, в палатке? А как мы ездили в тот домик в ту зиму?* и я отвечаю только да, нет, да. Но в тот момент у меня не было сил разговаривать этот разговор, я развернула объявление и положила перед папой.

— Продавец на ёлочном базаре? — удивлённо спросил он.

Объявление скаталось обратно в трубочку. Я снова развернула его и прижала двумя руками. Папа поднял на меня глаза.

— Роня, но ёлками торговать — это же работа для мигрантов.

— Лучше такая, чем никакой, — сказала я.

Он ещё раз перечитал объявление. И вдруг встал, взял чайник и пошёл к мойке. Открыл кран, продолжая говорить со мной:

— А ты хорошо соображаешь. У тебя с мозгами всегда порядок был.

Он поставил полный чайник кипятиться. Я очень люблю, когда он пьёт кофе. Люблю, когда он достаёт спортивные штаны, одеваясь на пробежку, или выглядывает в окно и начинает собираться на работу, это я обожаю просто, я помню наперечёт все папины работы. Самая лучшая была в пекарне, тогда он приносил домой большие булки с корицей, я брала их в школу на завтрак, и весь класс говорил *вау!* а Муссе ещё добавлял *везёт же некоторым*, а Стелла спрашивала *Так нельзя, знаешь?* а Муссе ей отвечал *Отвянь, Стелла, в этом классе сахар есть в завтраке у каждого*. Но и когда он работал в супермаркете «Киви», было хорошо, и мойщиком трамва-

ев тоже, одноклассники делали заходы типа *Слушай, а у тебя папа в «Киви» работает, он может достать мне скидку на шоколад?* или *А у тебя папа правда моет трамваи? Можешь ему сказать, чтобы он не стирал граффити моего брата?* Неловко было только, когда папа стал поэтом и начал писать стихи вроде *Мысль вертлява, как угорь в садке* и торговать этими стихами у киоска «Нарвесен», вот это мне не нравилось, но зато я обрадовалась, услышав, как запел закипевший чайник, мне для радости много не надо, *вы слишком много мечтаете*, говорит Мелисса, *если бы фантазии считались работой и за них платили, мы смогли бы переехать в самый дорогой район.*

Вода закипела. Папа снял чайник. А у меня уже голова пузырилась от фантазий, я уже успела намечтать, как после школы бегу к ёлочному базару — он неподалёку от заправки, я там останавливаюсь и смотрю, как папа ходит между ёлками в толстом вязаном свитере, улыбается покупателям и складывает деньги за ёлки в большой пухлый кошелёк. А потом папе платят зарплату, и на Рождество мы покупаем Мелиссе подарок, не знаю, что-нибудь

хорошее, о чём она давно мечтала; папа приносит подарок домой, манит меня пальцем, мы закрываемся в ванной, и он показывает мне, что купил, и спрашивает *Как думаешь, нормально для барышни шестнадцати лет?*

Ещё мне подумалось, что тогда и в школу ёлку привезёт папа. Я так ясно представляла себе, как это будет: Мерон увидит его в окно и завопит *Ёлку привезли! Ого, какая! Ой, смотрите-смотрите, это папа Рони её привёз!* А наша учительница скажет *Пожалуйста, не вскакивайте с мест*, но поздно, все уже бросились к окнам, столпились у них и смотрят на улицу, а там наша директриса уже идёт папе навстречу. Она руками придерживает накинутое на плечи вязаное пальто и кивает в сторону физкультурного зала. Вязаный пояс летит за ней по ветру, папа широко улыбается своей самой лучшей улыбкой и пропихивает большущую ёлку в ворота, а весь класс выдыхает *Вау!* Так это было в моих мечтах.

Папа стоял у окна и смотрел во двор. Снег шёл и шёл. Чашку папа держал на весу перед собой. В кухне у нас было ужасно пусто как-то.

— Тогда в этом году мы смогли бы позволить себе ёлку, да? — спросила я.

— Что ты сказала? — переспросил папа.

— Если ты будешь торговать ёлками, может быть, и нам одна достанется? — объяснила я.

— Ещё бы, Роня Дочь разбойника, — сказал папа и повернулся ко мне. — Сотрудникам наверняка скидка.

— Наверняка, — кивнула я.

— Или вообще бесплатно? — спросил папа, и я кивнула в ответ, я именно так и думала.

— Ну что, Дочь разбойника, — говорил папа, он любил так меня называть. — Ты моя Дочь разбойника, — говорил он, — мой Сундук сокровищ и мой Нефтяной фонд.

Он называл нас Звезда и Луна, а ещё Маркаронка и Мармеладка. А ещё Роня Дочь разбойника и Мелисса Млечный путь, он кричал,

войдя в дом, *Где мои Роня Дочь разбойника и Мелисса Млечный путь?*

— Мы тут, — откликнулись мы с Мелиссой, — едим овсяные подушечки.

— Думаешь, он получит эту работу?

Я лежала рядом с Мелиссой, головой на её руке. Огни проезжавших мимо машин скользили по потолку.

— Нет, — ответила Мелисса. — Естественно, я думаю, что нет, — сказала она и стала расковыривать трещину на обоях.

— Но если он будет там работать, ты же тоже захочешь, чтобы у нас была ёлка на Рождество?

Мелисса убрала палец с обоев.

— Роня, — сказала она. — Ёлка стоит, наверно, крон шестьсот, не меньше.

За окном загудел автомобиль и кто-то крикнул *Смотри, куда идёшь!*

— Сегодня скользко, — сказала Мелисса, — ледяной дождь.

— Мелисса, но ведь должна быть скидка для сотрудников? — спросила я.

— Ты всё время забываешь, что он не сотрудник, он там не работает, — ответила Мелисса. — Лучше о чём-нибудь другом подумай.

Но я не хотела думать о другом. Я зажмурилась сильно-сильно, и голова наполнилась прекрасными ёлками.

— А если всё-таки вдруг, — сказала я. — Думаешь, совсем не поможет, если он скажет, что он от Алфреда?

— Может и поможет. Давай спать, ладно? — сказала Мелисса.

— И если он передаст привет, и его возьмут, и у них есть скидка для сотрудников, ты тогда хочешь сразу наряжать ёлку или подождать до Рождества?

Мелисса посмотрела на меня и сказала:

— Но я не хочу мечтать на эту тему.

— Ну немножечко, — попросила я. — Ну чуточку помечтай со мной.

— Вот же, черти-божечки, — ворчливо сказала Мелисса, но я чувствовала, что ей и самой хочется помечтать, она размякла и лежала расслабленно, глядя в потолок, взяла меня под одеялом за руку.

— Если у нас будет ёлка, — сказала Мелисса.

— Да, — поддакнула я.

— То мы поставим её в гостиной.

— И ты скажешь, что мы как будто в лесном домике, да?

Мелисса посмотрела на меня.

— Я одного понять не могу: если ты наперёд знаешь всё, что я скажу, то и говори сама за меня.

— Не сердись, Мармеладочка, — смутилась я.

Она закрыла глаза.

— Хорошо. Ёлка, значит, стоит в гостиной в домике. Далеко-далеко, в чаще леса. В нём топится очаг и всё такое, ну, сама знаешь. И вот, утром в день Рождества, когда за окном ещё темно...

— Что? — не удержалась я.

— Мы заходим в гостиную и зажигаем на ёлке свечи. И ёлка сияет и переливается огнями... как в сказке.

— Ага, — сказала я. — Как в «Девочке со спичками».

— Нет, про неё не будем. Это самая грустная история в мире.